

[00:00:00] [Начало записи.]

Владимир Оболенский: Уважаемые участники, наш форум продолжается. Сейчас в этом помещении пройдет дискуссия на тему «Глобализм или протекционизм».

На мой взгляд, противопоставлять глобализацию и протекционизм не очень корректно. Почему? Глобализация – это процесс, который идет как минимум три десятилетия уже, а может быть, даже и больше. Он заключается в усилении взаимосвязи и взаимозависимостей между странами мира в результате интенсификации обмена между ними товарами, услугами и капиталом, сопровождаемый расширением, диффузией технологий, и сопровождаемый достижениями научно-техническими и в первую очередь информационной революцией. В перспективе, как показывают различные исследования, глобализация должны привести к формированию на планете относительно однородной экономической среды, к складыванию своеобразной единой экономической системы, которая будет диктовать своим участникам правила игры.

Протекционизм – это нечто другое, это тип экономической, торговой в первую очередь политики государств. Альтернативой этому направлению торговой политики является свобода торговли. В чистом виде ни одна страна мира ни тот, ни другой вид торговой политики не использует, нет таких стран в мире. Все страны мира в своей торговой политике сочетают элементы и протекционизма, и свободы торговли. Если больше говорить о протекционизме, то нынешний современный протекционизм заметно умереннее, чем тот протекционизм, который существовал в мире по окончании Великой депрессии и Второй Мировой войны. Тогда у ведущих стран мира уровни таможенного обложения импорта достигали 20-30%, в некоторых случаях даже до 40%. Сегодня протекционизм носит более умеренный характер. За последние 20 лет по оценке ВТО средний уровень таможенного обложения импорта снизился на 15%, и составляет в настоящее время около 9%. Кроме того, что все страны применяют тарифные ограничения, они активно используют и нетарифные меры. Применение и тарифных, и нетарифных мер закреплено в многосторонних торговых соглашениях, принятых в ВТО в ходе уругвайского раунда еще в 1994 году. Получается, что сейчас ситуация в мировой экономике в целом и в конкретных странах в частности говорит том, что без использования инструментов протекционистской защиты не обходится ни одна страна. Почему? А потому что в каждой стране есть свои так называемые чувствительные сектора, которые страны вынуждены защищать от иностранной конкуренции.

Обращает ли внимание ВТО на то, что протекционизм усиливается? Безусловно, обращает. Начиная с глобального кризиса 2008-2009 годов постоянно на всех министерских

конференциях ВТО, на всех саммитах «Большой двадцатки» на этот момент обращалось внимание. ВТО ведет мониторинг применения странами мира ограничительных мер. Данные этого мониторинга свидетельствуют, что с начала глобального кризиса и до конца 2016 года только страны G20 использовали 1670 ограничительных мер, и этими мерами охвачено примерно 5% всего мирового импорта. Но нельзя не отметить, что подавляющая часть мер, включая такие меры, как повышение импортных пошлин до уровня связывания, а также применение мер защиты рынка людей, животных и растений, технических барьеров, санитарных, фитосанитарных норм, вводилось не вопреки нормам ВТО, оговаривающим правила их применения, а на основе этих правил, которые закреплены в многосторонних торговых соглашениях. Большинство ограничений таким образом носило легитимный характер, легитимный с точки зрения международного права, и это подтверждается цифрами той же самой ВТО. За тот же самый период, то есть с начала кризиса и до конца 2016 года, в орган по разрешению споров ВТО поступило всего 149 обращений о нарушении конкретными странами каких-либо многосторонних соглашений. То есть под сомнение была поставлена правомерность всего 12% ограничительных мер. Современный протекционизм, с моей точки зрения, носит легитимный характер, и он достаточно умеренный, если сравнивать с тем, что было 70 лет назад.

По другим вопросам не буду настаивать, это для дискуссии. Попрошу докладчиков высказаться по обозначенным в программе вопросам. Хотя у нас 8 марта было уже достаточно давно, но когда мы его отмечали – это хороший светлый праздник, – многие мужчины с телеэкранов говорили, что «Для нас атмосфера 8 марта живет каждый день». Выступающие у нас мужчины по большинству, а женщина всего одна, и думаю, что поступим правильно, если первой дадим высказаться Дарье Ушкаловой.

Дарья Ушкалова: Спасибо, Владимир Петрович, за предоставленную возможность высказаться первой, хотя вспоминается известный анекдот по поводу минных полей, когда женщина идет первой. Но, как известно, джентльмен не спорит о фактах. Самое главное в этом смысле – договориться о понятиях, о терминах. Но мне бы хотелось продолжить мысль Владимира Петровича, что мы должны четко понимать, что имеем в виду под протекционизмом и глобализмом.

Понятно, когда мы говорим о протекционизме, то не имеем в виду тот протекционизм, который был в 1920-х, 1930-х, 1940-х, 1950-х годах. Современный протекционизм выборочный, точечный, и инструментами реализации этого протекционизма являются не только и не столько меры классической внешней торговой политики, то есть таможенно-тарифные и нетарифные меры, но и целый ряд и спектр других инструментов. И в этом

смысле если мы будем рассматривать протекционизм как в целом мероприятие по обеспечению более благоприятных условий для отечественных предприятий, и даже шире, для предприятий, которые просто осуществляют свою деятельность на территории данного государства, то к мерам протекционизма относится весь комплекс экономических инструментов, которые направлены на улучшение этого положения. Это и меры налоговой политики, и меры денежно-кредитной политики, и так далее. В этом смысле не стоит сводить протекционизм только к импортным таможенным пошлинам.

А если мы посмотрим на протекционизм в таком широком аспекте, то увидим, что на самом деле все государства его применяют, и то, что мы знаем под термином «конкуренция юрисдикций» – это тоже элемент протекционизма, и уходить с этого поля государству, ясно, нецелесообразно. Более того, протекционизм имеет место быть не только на внутреннем рынке, но и на внешних рынках. И если мы посмотрим тут на опыт большинства успешных предприятий из стран с формирующимися рынками, то увидим те или иные меры государства по поддержке этих предприятий, начиная от южнокорейских, заканчивая китайскими.

А с глобализмом все еще сложнее, потому что что мы имеем в виду под глобализмом сейчас? Понятно, что так же, как протекционизма и свободной торговли в мире не существует, также не существует и глобализма.

Более того, что мы понимаем под глобализмом? Кто-то понимает свободу торговли в глобальном масштабе. Тогда олицетворением этого процесса является Всемирная торговая организация. Но ведь она включает не все страны мира. Более того, если посмотрим на процесс формирования создания соглашения внутри ВТО (соглашение ВТО плюс, расширенная углубленная зона свободной торговли), то опять увидим существенную дифференциацию.

Под глобализмом сейчас очень часто понимается совсем другой процесс, а именно процесс формирования глобальных партнерств. И с этой точки зрения те партнерства, те многосторонние инициативы, которые есть, направлены на либерализацию взаимодействия в тех или иных сферах, они являются не антиподом протекционизма, а служат этим целям. И в значительной степени создают благоприятные условия внутри, и оставляют за бортом те страны, которые не участвуют. Если посмотрим на глобализм в этом контексте, то увидим, что никакого противоречия нет. Поэтому вопрос на самом деле очень простой: как нам в этом мире дальше жить, как позиционировать свое государство, как проводить экономическую политику, исходя из этих вызовов?

Возникает сразу очень простой, то есть их два: кого поддерживать и какими методами? Потому что вопрос, чтобы не поддерживать, на повестке дня никак не стоит.

[00:15:01]

Другой вопрос, что я бы сравнила современный протекционизм с такой спортивной ситуацией. Есть лыжная сборная, она как-то катится, но есть команда, сервисмены, которые смазывают лыжи. С одной стороны, бесполезно смазывать лыжи спортсмену, который придет 301-м, а с другой стороны, хорошая смазка может из № 11 сделать № 1. В этом смысле наши инструменты должны как-то этой проблеме соответствовать.

По поводу того, что будет дальше. Я лично вижу тенденцию к усилению конкурентной борьбы в мировом хозяйстве, и к расширению практики использования протекционистских мер. Другой вопрос, что это все будет в ограниченных масштабах, хотя сейчас вся та система, которая есть, будет шататься.

Посмотрите, что сейчас происходит между Соединенными Штатами и Китаем. Мне, например, не очень понятно, как это все дальше будет развиваться. Потому что фактически речь идет о чем? США ввели импортные таможенные пошлины на сталь, еще обсуждается ряд мер, а Китай сейчас ввел пошлины на 128 товаров из Китая, причем выборочно из Китая. Как они это сделали? Теоретически с точки зрения правил ВТО они это сделать не могли. На самом деле что они сделали? Они просто приостановили действие уступок, которые они дали Соединенным Штатам при вступлении в ВТО. И этот прецедент открывает ящик Пандоры, потому что теперь оказывается, что даже члены ВТО могут всегда не выполнять условия, под которыми они подписались, и, видимо, этот процесс дальше продолжится.

Владимир Оболонский: Я умышленно вначале не говорил о том, что мы в очень острый период сейчас вступили. Не только мы, а вся мировая торговая система. Это то, о чем говорит Дарья Игоревна. Началась открытая торговая война между Соединенными Штатами и Китаем. Естественно, и с той, и с другой стороны это нарушение правил и норм ВТО, и тех обязательств, которые США взяли при создании ВТО на себя, а Китай при вступлении в ВТО. И Китай вместе с Россией, кстати говоря, уже заявил на заседании Совета по торговле товарами ВТО, о том, что и Китай, и Россия обратятся в орган по разрешению споров ВТО с иском о нарушении Соединенными Штатами правил ВТО. Но будет это сделано или не будет – проживем и увидим. По крайней мере ситуация очень острая. Чревата она тем, что может начаться цепная реакция, потому что американским повышением пошлин затронуты не только Китай, а ЕС, Южная Корея, Россия. И не исключено, что они последуют опыту Китая, пойдут вслед за ним. И тогда те устои

многостороннего регулирования международной торговли, которые складывались на протяжении более чем 70 лет, могут рухнуть, начнутся массовые торговые войны. Что из этого последует? Понятно, кошмар. Экономика каждой страны пострадает, если это начнется. Но это небольшое замечание, которое вызвано выступлением Дарьи Игоревны.

Анатолий Вассерман: Попробую объяснить, почему кошмара не будет, и почему протекционизм каждой страны в конечном счете полезнее человечеству в целом.

[00:20:14]

Прежде всего, я понимаю, что один из самых многочисленных нынче видов хищников – юристы – достаточно изворотлив, чтобы бóльшую часть исключений из правил ВТО можно было признать легальной, то есть соответствующей писанному закону. Более того, я уверен, что бóльшая часть этих ограничений также легитимна, то есть одобряется народами тех стран, которые вводят эти ограничения.

А теперь почему эти ограничения по большей части действительно полезны? К сожалению, большая часть нынешних экономических теорий, в том числе лежащих в основе соглашений ВТО, явно или неявно опирается о представление о благотворности неограниченной свободы личности безо всякой оглядки на общество. Тем самым эти теории лишают себя возможности интересоваться теми закономерностями, которые порождаются на уровне общества как единого целого. В теории систем доказано, что каждый новый уровень сложности структуры порождает свои закономерности, не сводящиеся напрямую к нижележащим уровням. В частности известное уже по меньшей мере три тысячелетия повышение производительности труда при углублении его разделения в нынешних экономических теориях принимается просто как постулат без анализа причин, по которым растет производительность труда, соответственно, без понимания ограничений такого роста.

В частности, ныне действующее глобальное экономическое разделение труда предполагает, что каждая страна должна сосредоточиться на нескольких видах хозяйствования, получающихся у нее лучше всего, и все остальное закупать за рубежом в обмен на эту продукцию нескольких своих лучших отраслей. Беда только в том, что государство в целом – слишком сложная структура для того, чтобы ограничиться несколькими направлениями. Маргарет Хильда Альфредовна Робертс, более известная нам по фамилии мужа Тэтчер, однажды сказала, что если бы Советский Союз ограничился нефтегазовым экспортом, то его население составило бы 15 млн человек. У нас это трактуют как нечто кровожадное, а на самом деле она пыталась предостеречь наше руководство от следования ее опыту, от ограничения всего хозяйства страны несколькими

отраслями. Она поступила в свое время именно так, и успела изучить не только положительные, но и отрицательные последствия своего решения. В результате такого непонимания причин роста производительности труда при его разделении мы пришли к экономическому парадоксу. Производительность труда в расчете на одного работающего в мире действительно растет, а производительность труда в расчете на одного живущего катастрофически падает, потому что нынешняя система разделения труда привела к тому, что бóльшая часть живущих перестала быть работающими. И именно для того, чтобы восстановить классическую систему разделения труда, при которой каждая страна сама делает все, на что у нее хватает возможностей, а к другим обращается только за тем, что у нее вообще никак не получается, именно для этого приходится напоминать авторам соглашений ВТО, что законы пишут люди, и законы переписывают люди, когда видят, что написали что-то не то.

[00:25:21]

Почему нужен именно протекционизм, а не просто самостоятельное развитие отраслей? Потому что есть явление, которое во многих открытиях известно как коммерческое бессмертие, когда первая разработка в какой-то сфере оказывается настолько популярной, что к моменту появления чего-то более совершенного в нее уже вложено слишком много средств, чтобы от нее отказаться. И, более того, дальнейшее использование этой разработки препятствует вложению сил и средств во что-то более совершенное. И именно для воссоздания множества отраслей, порушенных нынешним форматом глобализации, придется в ближайшее время практически всем странам в массовом порядке прибегать к протекционизму.

Понятно, что в бухгалтерском смысле это слово невыгодно, поскольку ясно, что на развитие новой отрасли тратится немало средств, причем без твердой гарантии их возврата. Но учитывая, что эти средства в любом случае остаются внутри хозяйства, они работают как привод всех звеньев этого хозяйства, и новых, и уже существующих.

Что касается глобализации, лет 16-17 назад вышла моя статья «Глобализация – это разнообразие», где я показал, что глобализация может принести пользу только в том случае, если не сведется к закатыванию всей земли под один и тот же цвет асфальта, а наоборот, предоставит не только каждому производителю доступ ко всему разнообразию пожеланий потребителей, но и каждому потребителю доступ ко всему разнообразию возможностей производителей, а не только к тому, кто обрел коммерческое бессмертие. Потому что именно такой формат разделения труда – разделение его по множеству разнообразных потребностей людей и народов, – это как раз тот формат, который в

нынешних условиях способен обеспечить наибольший прирост производительности труда. Другие уже испробованные форматы разделения труда близки к пределу своего совершенствования, по крайней мере на нынешнем технологическом этапе, а разделение труда по разнообразию потребностей еще очень далеко от этого исчерпания. Так что даже когда лет через 10 у нас появится техническая возможность управлять всем мировым производством как единым целым, это никоим образом не должно стать стимулом к сокращению разнообразия потребностей.

Владимир Оболонский: Интересная точка зрения, есть над чем подумать. Кто следующий хотел бы что-то сказать?

Марк Урнов: Мне кажется, наша дискуссия куда-то не туда пошла. Формат, в котором мы здесь общаемся, предполагает обсуждение более конкретных вещей, с одной стороны. То есть не стоит здесь обсуждать суперсложные концепции с суперсложными и неопределенными понятиями. Точно так же, как, наверное, совсем конкретику ВТО тоже не имеет смысла.

Я бы предложил сосредоточиться на проблеме куда более, с моей точки зрения, актуальной. Есть наша страна со своими проблемами, есть мир, есть глобализация в том смысле, что действительно происходит резкая интенсификация обмена информацией, технологией, товарами, людьми, всем, чем угодно. Как нам быть с нашей чудовищно отсталой экономикой, в которой, по оценкам экспертов, примерно 70% машин и оборудования устарели и технически, и морально? Это то, что эксперты дают. Официальная статистика, естественно, меньше, где-то 50%. С очень некачественными трудовыми ресурсами, трудовой этикой и всем прочим. Как нам быть в этих условиях и что мы хотим? Мы хотим оставаться недоразвитыми и тихо идти в Третий мир, или постараться хотим попробовать вписаться в мир развитый, и решить свои и экономические, и социальные проблемы, и, может быть, получить достаточно средств для того, чтобы вкладывать в образование и в медицину, которая сейчас просто разваливается? Если мы этого хотим, а не хотим заниматься, с моей точки зрения, абсолютно идиотскими теориями Чучхе, то нам, наверное, надо в философском, идеологическом смысле ориентироваться на открытость, потому что единственное, что может вытащить эту самовоспроизводящую экономическую культуру Третьего мира, в который мы входим, – это приток интенсивных качественных инвестиций, которые несли бы собой...

Реплика: Чушь собачья.

Марк Урнов: Может быть, это чушь собачья, может быть, не чушь собачья – это ваши проблемы. Может быть, это кошачья чушь или какая угодно. Но, пожалуйста, не надо комментировать сейчас.

Реплика: Я про себя.

Марк Урнов: Про себя – это, пожалуйста, так, чтобы я не слышал.

Если мы хотим действительно стать частью иностранного мира, то нам нужны иностранные инвестиции, которые принесли бы с собой и новые технологии, и культуру управления. Это не означает, что государство должно сидеть, сложа руки. Отнюдь. Здесь некая система управления важна. Но очень важна главная установка – чем мы занимаемся. Мы защищаем свои отсталые отрасли, или мы как послевоенная Япония стараемся максимально заимствовать передового опыта для того, чтобы прорваться вперед.

Я понимаю, что эти мои тезисы вызывают некую странно злобную реакцию. Но это на здоровье, это пожалуйста, ради бога. В конце концов, каждый имеет право высказать свою точку зрения. Свою на высказал. Ее можно принимать, можно не принимать, это ваше дело. Я пришел сюда не для того, чтобы кого-то в чем-то убеждать, потому что подобного рода дискуссии никогда убеждением не заканчиваются. Но заявление, что «Вот это есть тезис, меня оскорбляющий» – это не дискуссия для круглого стола.

Андрей Бережной: Бережной Андрей, компания “Ralf Ringer”, производящая обувь в Российской Федерации.

[00:35:06]

Анатолий Вассерман попытался донести до аудитории, что глобализация как объединение ресурсов всего человечества в направлении максимального удовлетворения потребностей хороша тогда, когда заранее понятен выгодоприобретатель. Выгодоприобретателями является все человечество. Не отдельный узкий круг людей, а все, иначе глобализация идет не ради удовлетворения жизни людей, живущих на Земле, а ради удовлетворения потребностей людей, управляющих процессом.

Второе. Что касается протекционизма. Разговоры о необходимости инвестиций и как следствие, или обеспечивающий это процесс открытости экономики, не более чем разговор.

Хороший пример. Сказали о Японии, которая сейчас производит много всего, после Второй Мировой войны была открыта, и так далее. На сегодняшний день ввозная пошлина на Российской Федерации... Я просто живу в этом рынке, я знаю только о нем, больше ни о

чем, кроме как то, что читаю в трудах мыслителей. Сейчас ввозная пошлина в Российскую Федерацию 1 евро с пары импортируемой обуви. Это условие, которое подписала страна, вступая в ВТО. Для примера, сейчас таможенная пошлина ввоза обуви в Японию 25%. 1 евро в расчете на ту обувь, которую носят присутствующие – это 2-3% от цены импортирования. В Японии 25%. К чему вывод? Безусловно, внутренний рынок, рынок, производящий, обеспечивающий людей трудом, организующих людей, воспитывающих людей, этот рынок является самоцелью. Цель – обеспечить людям возможность работать созидательно в разнообразных отраслях, высоких и не очень высоких, поскольку уровень способностей у разных людей разный. Для того, чтобы этого достичь, первое, что нужно сделать, по большому счету и единственное – нужно выровнять реальные расходы на производство в стране у нас с расходами, которые несут на производство наши глобальные конкуренты. Если эти реальные затраты разные, производства в стране не будет никогда. Хоть обвезись сюда технологий и инвестиций, не будет. Поэтому выравнивающая компенсационная пошлина должна быть, то есть выравнивающие затраты.

Второе. Если мы говорим о честной конкуренции в рамках единых торговых правил, то, скорее всего, и пошлины должны быть тоже больше-меньше равными.

Если брать обувь, о которой я знаю. 1 евро – ввоз нам в страну. А едва открывшийся недавно Иран сняли санкции, и я думал, что страна изголодалась по хорошему продукту, я написал туда письмо: «В какой выставке поучаствовать? Приедем, будем у вас производить или продавать вам обувь». Ответ посла пришел мне на почту – 73%. В Индии близко к 100%. Бразилия, произошедшая в прошлом году (на которую мы ориентируемся) 500 млн пар (наша страна произвела порядка 80 млн), пошлина близка к 100%. То есть все рынки, на которых идет рост потребления, за исключением двух, о которых я скажу позже, круто защищены пошлинами. На таких условиях мы пытаемся вписаться в глобальный рынок. Европейский и американский рынок, действительно, пошлинами защищены мало, но на этих рынках правит балом абсолютно высокоорганизованный ритейл, с которым конкурировать в производстве невозможно, потому что он покупает все на тех рынках в Китае, в Индии, где стоимость производства по определению ниже.

Поэтому, если брать конкретно обувь, получается, что без защиты рынка некоторыми компенсационными импортными пошлинами, развитие очень трудно.

Дальше вопрос. Или мы как страна, как общество, действительно не хотим ботинки производить, значит, мы будем это все импортировать. Или хотим. Если не хотим ботинки брать, то будем брать что-то другое. Скажите, что именно? Но сидеть и ждать прихода

инвестиций, мне кажется, тупик. Мы сидим и уже 25 лет ждем. Что-то они не пришли, эти инвестиции. Вот моя точка зрения.

Владимир Оболонский: Тоже интересная точка зрения.

[00:40:03]

Две реплики относительно того, что сейчас было сказано.

Выравнивание условий. У нас 1 евро, а в Японии 25%. Страны-то разные, и цены внутренние в странах разные. Принцип расчета, краеугольный принцип любой пошлины такой: берется внутренняя цена и сравнивается с ценой внешней. Разница между ними – это и есть размер пошлины.

Андрей Бережной: Внутренняя цена чего?

Владимир Оболонский: Теперь второй момент. Давайте увеличим пошлину, допустим, с 1 евро до 10 евро. В течение трех последних лет к пошлинам... Очень часто говорят наши производственники о том, что снизили пошлину, это не дает жить. И ни говорят ничего о том, что три года назад мы перешли от таргетированной инфляции к плавающему валютному курсу, и курс вырос сразу в два раза. Сейчас чуть ниже, чем было до конца 2014 года (не 2, а 1,8, неважно). Что такое рост курса в два раза? Это добавление 100% импортной пошлины. И что еще делать? Еще раз уронить курс в два раза, и тогда можно будет работать? На это я ответа от наших производственников никогда не слышал.

Алексей Портанский: Вначале очень коротко отвечу уважаемому коллеге. Отраслевые вопросы, которые он поднял, совершенно справедливы, но из этих проблем, которые вы подняли, делать обобщение до уровня тех тем, которые мы обсуждаем – надо быть немножко осторожнее. Вместе с тем, такого рода проблемы должны непосредственно ложиться на бумагу и приобретать форму обращения в Минэкономразвития или в Минпромторг, потому что это ваши конкретные проблемы. Когда Российская Федерация вела переговоры по присоединению к ВТО, то все представители отраслей были выслушаны, это первое. И второе: формирование этих условий – это абсолютно комплексный процесс. Но это краткое замечание. А мне хотелось вернуться к основной теме: глобализация, протекционизм, соотношение между ними.

Экономическая глобализация – а мы говорим именно об экономической глобализации, потому что есть культурная и всякая... Говорят, первыми глобализаторами были Иисус Христос, Будда, Мохаммед. Но экономическая глобализация, как считает большинство ученых, началась примерно в 1980 году, и это магистральное направление развития

человечества на сегодняшний день. Напомню, ряд стран благодаря глобализации довольно быстро достигли довольно высокого уровня развития: это страны Восточной Азии, некоторые страны Латинской Америки. Например, возьмем такую маленькую страну как Коста-Рика. Наверное, каждый второй человек на улице, если не 100%, скажут: «Наверное, они производят бананы и кофе, и все». Ничего подобного. Это страна, которая благодаря либерализации, благодаря включению в международное разделение труда, добилась высочайших результатов в смысле медицинского обеспечения, образования. По многим этим параметрам они в Латинской Америке занимают первое место и очень высокие места в мире. Вот что реально дает глобализация.

Другой вопрос в том, что на сегодняшний день Соединенные Штаты, которые были на протяжении по крайней мере второй половины XX века лидером мировой экономики, лидером международной торговли, лидером в международных торговых переговорах, сегодня при президенте Трампе коренным образом меняют свою роль, и это оказывает колоссальное воздействие на весь мир и на всю глобальную экономику, потому что велика инерция, и Соединенные Штаты до сих пор остаются самой могущественной державой, несмотря на то, что Китай, торгуя товарами и т. д. Но не будем забывать, что в комплексе Соединенные Штаты все равно на сегодняшний день самая могущественная экономика. Возьмем, например, американский фондовый рынок. Ни одна страна в обозримом будущем не сможет в принципе теоретически достичь того уровня фондового рынка, который имеется сегодня в Соединенных Штатах. Почему все страны стремятся на рынок США? Потому что этот рынок самый интересный, выгодный.

И сегодня, то есть начиная с съезда в Белый дом президента Трампа, Вашингтон начал менять свою политику. Трамп, пытаясь выполнить свои предвыборные обещания, которые были зачастую очень наивными и буквально максималистскими, он решил начать закрывать Америку, вводить протекционистские меры, обещая сделать Америку великой, и на сегодняшний день видно, что все это у них не очень работает, но надо эти обещания выполнять. Поэтому создается видимость того, что это будет сбавать.

На сегодняшний день Вашингтон уже поссорился со своими ближайшими, лучшими торговыми партнерами. Здесь уже упоминался спор с Китаем, можно развить эту тему. Он сейчас, кстати, продолжается. Большое расследование начато еще в августе по интеллектуальной собственности, оно будет целый год идти. Осенью в отношении Канады, если помните, гражданское авиастроение, были введены пошлины в размере 20%. Это совершенно небывалый акт в отношении ближайшего партнера. Нынешние пошлины по стали, другим металлам в отношении целого ряда стран. Кстати, Китай здесь в меньшей

степени затронут. Бразилия, Южная Корея, Европа на передовых позициях. Все это вызывает, по меньшей мере, удивление, смущение, и не исключено действительно, что будет коллективный иск, такой же, как был в 2003 году, когда мы еще не были членами ВТО. Тогда Соединенные Штаты тоже поднимали резко пошлину на сталь, но тогда у них была более прагматичная цель, им нужно было перестроить свою отсталую сталелитейную промышленность, и они подняли пошлины, зная, что пока на них будут жаловаться, они по-быстрому перестроят. Так и случилось. На них пожаловались. Но мы не могли, мы не были еще членами ВТО. Китай, Европа, Индия пожаловались, и через шесть месяцев они вернули пошлины, но успели перестроить свою сталелитейную промышленность. Сегодня Трамп замахивается на более нереальные цели. Он говорит, что если существующие правила торговли, то есть правила ВТО, привели к тому, что у Соединенных Штатов торговый дефицит вырос до 800 млрд долл. товарами, из них 357 млрд приходятся на Китай, то зачем нам такие правила? Это вызов. Наш ведущий Владимир Петрович говорил, что если вслед за Соединенными Штатами и другие начнут пренебрегать правилами мировой торговли, то есть правилами ВТО, то в мире наступит хаос. Поэтому на сегодняшний день нельзя сказать, что Соединенные Штаты уже отбросили эти правила. Нет, этого не произошло, но это может случиться.

Еще один момент, на который хотел обратить внимание, что такое поведение Соединенных Штатов при президенте Трампе вызвало неожиданный ход со стороны Пекина. Год назад на Давосе 2017 выступление Си Цзиньпина потрясло всех, родилась крылатая фраза «Мир перевернулся», потому что Си Цзиньпин в своем выступлении подверг резкой критике протекционизм Вашингтона, сказал, что это приведет только к торговым войнам, от которых не выиграет никто, и, в конечном счете, по крайней мере чисто декларативно получается так, что сегодня у нас на роль главного глобалиста выдвигается Китай. И здесь еще вот что важно, хотел отметить. Приходится штрихами, потому что времени не так много. Дело в том, что с этой политикой Вашингтона не согласны практически все его партнеры. И на конкретных примерах можно отметить, что после того, как Трамп вышел из Транстихоокеанского партнерства, подписано и заработало первое работающее мегарегиональное соглашение – это соглашение СЕТА между Канадой и Европейским союзом, – в этом году может быть подписано и заработает всеобъемлющее региональное экономическое партнерство в Азиатском регионе с огромным примерно потенциалом, там примерно половина населения Земли, и около половины ВВП они производят. Япония и Европейский союз объявили об инициативе конструирования тоже своего партнерства. Ведущие партнеры Соединенных Штатов, видя поведение Вашингтона при Трампе, они стремятся всеми возможными способами и силами сохранить тенденции

открытия рынков на дальнейшее развитие глобализации. Другой вопрос, что действительно мощная экономика Соединенных Штатов, и оглядка постоянная всех стран, всех партнеров США именно на Вашингтон, она еще не позволила этим новым тенденциям до конца оформиться. Но реакция по крайней мере совершенно очевидная.

Этот протекционизм США в лице Трампа оказался неприемлем для большинства стран мира и для ведущих партнеров США.

Владимир Оболонский: Если смотреть в программные вопросы, то не могу сказать, что все, кто выступал уже, вышли совсем в другую сферу. Другое дело, что мы как люди, которые живут в России, должны и думать, и отвечать на вопрос во том, как нам жить дальше в той ситуации, которая складывается в мире. Трамп ведь не только грозит, он в открытую говорит: «ВТО – это катастрофа. Если надо, то мы из ВТО выйдем». Опять может последовать цепная реакция. И весь тот порядок, пусть он не во всем совершенен, но весь тот международный порядок, который сейчас действует в регулировании международной торговли, а документы ВТО – это, по-другому говоря, это кодекс поведения правительств стран-членов ВТО, в регулировании своей внешней торговли. Если все это развалится, то хаос неминуем. Я поддерживаю Алексея Павловича в этом вопросе.

У нас уже есть один выступающий, а потом уже мы можем предоставить слово и тем, кто здесь сидит сейчас в зале, и продолжить нашу дискуссию, то есть дискуссия будет всеобщей. И вопросы можно задавать всем выступающим, всем выступившим и тем, кто еще выступит. Пожалуйста.

(Перепалка.)

Анатолий Вассерман: Глубокоуважаемый профессор Урнов работает в Высшей школе экономики, поэтому тезисы, высказываемые им, никоим образом не его личные, и не надо переходить на личности. Это общая программа Высшей школы ликвидации экономики.

Владимир Оболонский: Хочу призвать участников дискуссии к тому, чтобы вы не уподоблялись тому, что видим каждый вечер на телевидении. А то дело дойдет до рукоприкладства.

Олег Сирота: Я невинный вопрос задал. Что производите? Дайте сказать, я глава крестьянско-фермерского хозяйства.

Меня зовут Олег Сирота, я глава крестьянско-фермерского хозяйства, производжу сыр, коров, молоко и телок.

Раньше я был офисным сотрудником, занимался этим интеллектуальным трудом. Я стал в реальности производить, когда на Россию нагрянули санкции, наша страна стала отвечать контрсанкциями, и отрасль сельского хозяйства стала интересна для инвестиций. Я все детство видел, как в России сельское хозяйство исчезает, видел, как вымирают деревни. Это было у меня самое страшное воспоминание детства. Тогда всегда говорили про какой-то свободный рынок все детство, а я только видел, как гибнет мой народ. Это было страшное впечатление. Я пошел в аграрную отрасль и его бросил.

Владимир Оболонский: Началось это сразу же после того, как мы вступили в ВТО, или гораздо раньше?

Олег Сирота: У нас страна была никаким образом не защищена, все это сюда совершенно спокойно ввозилось. Мы не могли конкурировать. В нашей стране ничего производить было невыгодно в плане сельского хозяйства, ни сыр точно, потому что мои немецкие коллеги... Я очень хорошо знаю реалии, лучше, чем Высшая школа экономики. Я там работал на сыроварне. Мои немецкие коллеги получают 300-400, французские до 500 евро субсидий и дотаций. У них дополнительно за прошлый год была еще субсидия на молоко, у них еще есть куча скрытых субсидий, которые никакие нормы ВТО не проходят. У них скрыто, например, электричество, которое они сами себе продают. У них огромное количество поддержки. И в России производить молочную продукцию, сыры до введения контрсанкций невыгодно. Тут спорить нечего. Темпы роста молочной промышленности, у нас прибавка по молоку 10% за три года, прибавка сельского хозяйства 3-4% годовых. Это для сельского хозяйства очень много. Оно обычно так не растет.

Я такой не один, в России сыроварен штук 400 работает. И вы говорили, что в Россию никто не будет инвестировать, нужно открыться и все это, иначе никто не пойдет. Самые крупные инвестора в молочное скотоводство в России – это немцы. Они строят наибольшее количество... И самый крупный производитель молока в России сейчас – это немцы. Deutsches Milchkontor переработчики, самая крупная сыроварня Германии скупает сырзаводы в Воронеже для того, чтобы инвестировать в переработку. Итальянцы заходят в Московскую область, строят сырзаводы, кроме того, активно инвестируют в том числе и в Воронежскую область. В Краснодаре строится завод-миллионник по производству сыра. Таких заводов в Германии три. Мы явно видим, что у нас отрасль начала развиваться. И все это стало возможным благодаря протекционизму в самом его кристально чистом виде, когда у нас просто запретили ввоз продукции.

Все это хорошо росло до текущей ситуации. Сегодня, например, есть падение на молочном рынке. Из-за чего это случилось? Наши братья белорусы реэкспортом ввезли дикое

количество молока более дешевого из Евросоюза, в котором искусственно они занижают себестоимость, и теперь у нас с помощью крупных транснациональных компаний – это Danone, это Pepsi, обрушили рынок огромным количеством молока. Фермеры в Свердловске, фермеры в Приволжском федеральном округе выливают молоко, оно стало стоить 16 рублей. Это рукотворный кризис, точно такой же, который я видел, когда был маленьким мальчиком, ездил в Тверскую деревню, видел, как она гибнет. Тогда также завели молоко, также фермы разорялись, крупные транснациональные компании скупили маленькие переработки, все это зарезали, и мы потеряли тысячи сел и деревень, тысячи наших сограждан. Поэтому вопрос о том, протекционизм или глобализм, для нас это звучит как «выживание или медленная смерть в текущем виде». Это первое.

Второе. Конечно, я за глобализм, но в каком плане? Чтобы наш рынок был защищен, а их был открыт для нас. Если бы была у нас пошлина 300% на их сыр в Россию, итальянский пармезан, я был бы счастлив. А на наш – нулевая. Такая защита есть в плане овощей. Пошлина на русские овощи в Европе 300%. Запретительная пошлина, туда нельзя поставлять наши овощи. А с сырами я столкнулся с другим. Говорят, там свободный рынок, открыто, приезжайте. Свою продукцию я там продам. По качеству, даже по цене мы сейчас сравнялись. У нас другая проблема. Я полгода мучаюсь и пытаюсь получить документы на ввоз в Евросоюз. И знаете, у нас часто ругают наших санитарных врачей, и надо сказать, за дело. Но эти люди просто с немецкими не работали. У них рынок защищен в том числе нормативами искусственно. То же самое с нашей продукцией машиностроения, комбайнами, комбайнами, тракторами. Там есть ряд искусственных ограничений. Они защищают свой рынок, даже если не пошлиной, то защитой. Если у них будет такое заузили нашей продукции, то немецкие фермеры выйдут, и Меркель быстро все это прекратит, потому что это реальная сила там.

У нас протекционизм в России в плане сельского хозяйства привел к тому, что возродилось сельхозмашиностроение. У нас темпы роста в 2,5 раза по тракторам и комбайнам. Такого никогда не было в России. У нас появилась отрасль не просто сыроделия и молочного скотоводства, которая возрождается, а вообще появилась отрасль производства оборудования для сыра. У нас есть производители, которые вместе со мной пришли в отрасль, стали производить и начали делать, они сейчас по 400-800 комплектов оборудования делают в России. Мы экспортировать начали. То есть какая дискуссия, протекционизм, глобализм? О чем можно говорить? У нас явный рост благодаря протекционизму. Никакие иностранные инвестиции сюда, им никто не запрещает, они прекрасно приходят.

[01:02:15]

Анатолий Вассерман: В дополнение к словам коллеги... Кстати, что касается того, чем я занимался до того, как стал публицистом – я разрабатывал программное обеспечение автоматизированных систем управления технологическими процессами. То есть это тоже интеллектуальный продукт, но привязанный к реальному делу.

А теперь небольшая справка. При пересчете нашего производства по паритету покупательной способности, то есть, грубо говоря, при пересчёте из денежных единиц в физические, оказывается, что мы производим в расчете на душу населения столько же промышленной продукции, сколько производит Соединенное Государство Америки, и примерно на четверть больше, чем Китайская Народная Республика. Это к вопросу о нашей технологической и производственной отсталости.

Реплика: Правильно ли я понял, что кристальный протекционизм, запрет ввоза привел взрывным образом к иностранным инвестициям? Ответ – да? Точка.

Олег Сирота: Да. Они просто одолевают меня.

Реплика: Запрет привел к искомым инвестициям?

Олег Сирота: Совершенно верно.

Реплика: Дальше разговаривать не о чем.

Олег Сирота: В нас итальянцы хотят инвестировать. Звонят и говорят: «Давайте мы вас проинвестируем. И откроем еще совместное предприятие потом».

Реплика: Наш опыт говорит о том, что любые инвестиции и капитал имеют своей целью получить возвратный инвестированный капитал, получить маржу. Если ты на территории можешь получить маржу, то ты можешь на нее инвестировать. Инвестиции в производство – а мы ведь говорим ровно об этом – для того, чтобы страна развивалась, нам нужно, чтобы люди занимались высококвалифицированным созидательным трудом. Не все могут заниматься научным трудом. Часть людей должны просто производить, но хотелось бы, чтобы они делали это на хороших машинах, в современных условиях и так далее. Получается, что на территории создать маржу – это функция государства, чтобы капитал пришел инвестиционный и имел надежду на маржу. В условиях, когда реальные расходы на содержание продукции на территории России соизмеримо с Гренландией, больше ни с кем – везде остальные теплее, платить не надо, – получается, что единственный способ создать маржу – это либо прямые, либо косвенные субсидии. Без этих субсидий маржи нет, инвестиций нет.

[01:05:21]

Пример. Когда запрет, а у тебя огромный рынок, реально... Мы же все привыкли есть сыр? Привыкли. Как же без пармезана? Невозможно. Закрыли ввоз. Все, народ бегаёт, говорит: «Дайте пармезан, продайте», а его нет. Получается, у тебя сумасшедшая маржа. Все побежали, как мухи на мед. И открытый рынок приводит к тому, что мы не можем компенсировать наши реально более высокие косты.

Я вам дам расчеты с точностью до копейки, до заработной платы и до всего. Очевидно, что девальвация привела к тому, что народ обнищал, доля ручного труда обесценилась, и на какое-то время энергия тоже стала дешевле. Это правда. Но, в конце концов, мы же будем увеличивать заработную плату людям. Монополии подтянутся, но они же все в долларах считают, нефтяники все в долларах считают. Это явление временное. Когда мы говорим людям: «Вы потерпите, за это время мы подтянемся». Но это несистемное решение. Системное решение – уравнивание конкурентных условий производства на территории. Уравнивание как минимум. А дальше, если мы говорим, что мы уравнили, но при этом хотим, например, стать лидерами в производстве самолетов или еще чего-то, то только внутренний рынок может дать тебе возможность гарантированных продаж, только внутренний рынок может немножко простить тебе... вспомните все истории про Sukhoi Superjet. Я хожу в баню с человеком из Шереметьево. Сколько он сперва ругался, но, в конце концов, самолет пошел. Да, в нем огромная доля авионики иностранной и так далее, но самолет-то наш. Кто купил первый самолёт, кого заставили купить? Вот тебе появился самолет. Что сейчас будет МС-21 в условиях, когда пошлины на самолет практически рухнули, 10%? До ВТО у нас были большие пошлины на самолеты, а сейчас 10%. Кто будет МС-21 покупать? А это Иркутск, Комсомольск-на-Амуре, авиационные заводы. Кто будет покупать МС-21 без запретительных пошлин? Сперва запретительные пошлины, создание маржи, развитие высокоинтеллектуального, высокоорганизованного производства, и после, возможно, стимулирование этого производства снижением пошлин и конкуренции извне. Но сперва одно, потом другое, не наоборот. Наоборот не получится. А с сыром получилось, когда сделали ровно наоборот – запрет.

Дарья Ушкалова: Присутствующим со всех сторон хочется поставить какие-то простые диагнозы и дать простые советы. А я слушаю, и у меня почему-то внутри желание сказать, что дьявол в деталях.

Что такое защитная функция таможенного тарифа? Вы говорите, что нужно выровнять цену. Но откуда эта низкая конкурентоспособность берется? А здесь начинается дьявол в деталях, потому что у нас по разным отраслям разные причины низкой

конкурентоспособности. Где-то это вообще структура затрат, где-то другая причина. Нельзя обо всем говорить одинаково.

Даже ВТО оставляет за странами право защищать свой внутренний сельскохозяйственный рынок. Почему? Потому что есть естественно разные условия, разная природная конкурентоспособность. Где-то растет лучше, где-то хуже, а продовольственная безопасность – приоритет для любой страны.

Есть отрасли, где проблема, например, в старом оборудовании, а вовсе не в каких-то других вещах.

Есть отрасли, где дело чисто в регулятивных вещах.

Тут сравнивали с Бразилией. Скажу по поводу Японии. Япония успешно развивалась после войны в условиях чего? Да, может быть, пошлины там были не на очень высоком уровне, но ведь был заниженный курс национальной валюты, равно как в Китае. Ведь Трамп не просто так сейчас говорит о том, что Китай играет как бы не по правилам. Да, они не используют классические меры таможенной тарифной политики, но они используют заниженный валютный курс, и все экономическое чудо Японии закончилось именно после того, как они под давлением Соединенных Штатов повысили курс национальной валюты. Причины везде разные.

Например, обувь. Насколько понимаю, в обуви все-таки трудовые ресурсы в затратах имеют достаточно значительную долю, затраты на труд, то есть это трудоемкая отрасль.

Андрей Бережной: Трудоемкая.

[01:10:23]

Дарья Ушкалова: Но понятно, что при том уровне заработных плат, которые у нас есть, мы не можем конкурировать с той же Бразилией и Китаем, где эти затраты ниже.

Андрей Бережной: А кто вам сказал, что они ниже?

Дарья Ушкалова: Почему у вас цена получается выше?

Андрей Бережной: У нас как минимум есть шесть месяцев отапливаемых, которые нужно топить.

Дарья Ушкалова: Значит, дело в тарифах, в естественных условиях.

Андрей Бережной: В реальных костях.

Дарья Ушкалова: Я об этом и говорю, что применительно к каждой отрасли нужно смотреть реальную структуру расходов.

Андрей Бережной: С этим никто не спорит, просто государство эту функцию категорически не выполняет. Цель государства и цель тарифов – создать как минимум равные условия.

Дарья Ушкалова: У нас есть конкурентоспособные предприятия, которые неконкурентоспособны, исходя из объективных факторов. Например, шесть месяцев отопляемого периода.

Андрей Бережной: У нас все предприятия живут шесть месяцев отопляемых.

Дарья Ушкалова: Если вы будете работать в условиях Бразилии – я говорю сейчас как экономист, – вы будете конкурентоспособны, у вас будут такие же косты?

Андрей Бережной: У нас будет выше конкурентоспособность.

Дарья Ушкалова: То есть вы в глобальном плане конкурентоспособен, правильно?

Андрей Бережной: Да.

Дарья Ушкалова: Есть предприятия. С вами отдельная история, значит, вас поддерживать нужно. Но есть предприятия, которые ни при каких условиях не будут конкурентоспособны.

Андрей Бережной: Эти предприятия давно умерли, их нет! Их нет! Давно они сдохли! Давно!

Олег Сирота: Про сельское хозяйство тоже говорили, что оно никогда...

Дарья Ушкалова: Я еще не договорила.

Андрей Бережной: Вы говорите общие вещи, которые мы в учебнике учили.

Дарья Ушкалова: Я не общие вещи говорю, а говорю о том, что вы хотите – то, что я поняла, – чтобы на все товары государство выравнивало пошлину, делало такую, чтобы выравнивать цену мировую и цену внутреннюю. А дальше придет Иван Иванович и скажет: «Вы знаете, у меня такие косты высокие, у меня тут, извините, половину разворовывают. Сделайте мне пошлину 30%». И этот Иван Иванович будет прекрасно...

Андрей Бережной: То есть я приду?

Дарья Ушкалова: Я не знаю. Не вы. Я вас специально спросила: будете ли вы при условиях Бразилии конкурентоспособны?

Андрей Бережной: Да.

Дарья Ушкалова: То есть причины, почему у вас цена выше, каждый раз индивидуальны, и в них надо разбираться. Именно поэтому весь мир не просто отказался от протекционизма, а перешел к точечному протекционизму. И речь о том, что защищать надо те отрасли, которые будут расти. Если это сыр, значит, это сыр. Если это проблемы устаревшего оборудования, значит, нужно менять устаревшее оборудование. Но защищать всех – это тупик.

Анатолий Вассерман: Небольшая справка. Во-первых, в принципе невозможно заранее сказать, какой отрасли протекционизм поможет, какой нет. Коллега правильно напомнил, что сельское хозяйство России на протяжении по меньшей мере последнего полувека считалось в принципе нежизнеспособным. Во-вторых, есть громадный исторический опыт, который показывает, что все страны, добивающиеся сейчас максимальной свободы торговли, начинали с полного протекционизма, и только развив у себя многие десятки разных отраслей – не отдельных производств, а именно отраслей, – начинали добиваться от других, чтобы те открывали свою территорию для продукции этих отраслей, обещая в ответ открыть свою территорию. И в этом смысле глобализация – это диалектическое развитие протекционизма, когда страна, защитив свою промышленность на стадии ее роста, в дальнейшем защищает ее тем, что открывает для нее чужие границы. Так что глобализация в нынешнем ее виде – это продолжение протекционизма иными средствами.

Олег Сирота: Нужно просто продать свои товары. Я мечтаю, чтобы у нас был сильный внутренний рынок, мы потом снизили издержки и начали экспорт, и чтобы там рынок был открыт. Мне это нужно.

[01:15:02]

Я вообще мечтаю, чтобы у нас рынки были открыты, чтобы и Brexit произошел, и 60 армий НАТО размером с батальон, и чтобы туда все поставлять. Это моя голубая мечта. Тогда рынок откроется, и тогда будет полный бардак, как рухнул Советский Союз. То же самое. У нас рынок открылся, и они все задавили.

Или мне продолжать рассказывать, как у нас давили сухим молоком, когда гуманитарку привозили, уничтожая сельское хозяйство? Или окорочками Буша как наше сельское хозяйство уничтожали? Это же элементарно, это вещи, которые я в школе, в учебниках по экономике читал, когда учился в сельской школе в 10 классе. Там написано было. Какие-то элементарные вещи. Чего мне сейчас с вами спорить-то?

Владимир Оболонский: Горячий характер у нас дискуссия носит. Требуют наши производители более активной позиции государства в вопросах поддержки.

Читаю я интервью. Максим Медведков, руководитель департамента торговых переговоров Минэкономразвития, который тему ВТО знает от и до. Он отвечает на вопрос, как в принципе наша экономика реагирует на вступление в ВТО. Он говорит, что в последние три года не было ни одной отрасли, представители которой приходили бы и говорили, что им от этого плохо, и нужно что-то фундаментально – подчеркиваю слово «фундаментально» – поправить. Сейчас с тем курсом рубля, который существует, есть общее понимание, что уровень тарифной защиты в целом вполне достаточен.

Реплика: Надо понять, что Медведков осуществил акт предательства родины, вступил в ВТО на невыгодных нам условиях.

Владимир Оболонский: Это я и хотел услышать от вас.

Реплика: Конечно, он оправдывать будет вступление в ВТО. 20 лет человек занимался этим. Что он будет говорить?

Владимир Оболонский: Это представитель государства говорит. Вы упрекаете государство, а государство говорит: «К нам никто не ходит». Фундаментальные какие-то системные вещи не просят.

Реплика: Да в этом министерстве враги работают. Все же знают. Оно называется Министерство по продаже родины.

Андрей Бережной: Вы сказали, что когда вступали в ВТО, все согласовывали. Пошлины по обуви лично Медведков принес и рассказал, как подписан протокол, впервые на заседании Союза кожевников. До этого никто не видел. Все, что мы туда написали, не отразилось в документе. Это исторический факт, у меня есть свидетели. Просто поверьте. Это во-первых.

Во-вторых. Я хочу, чтобы все присутствующие поняли одну простую вещь. Мы как производители, то есть как компания Ralf Ringer, на сегодняшний день чувствуем себя прекрасно. Если завтра нам надо будет сократить производство на 10%, акционеры будут чувствовать себя прекрасно. Увеличить на 20%, акционеры будут чувствовать себя прекрасно. Закроемся – акционеры будут чувствовать себя прекрасно. Плохо стране. И мы как производители говорим о том, что если вы как страна, как ваше Правительство и так далее, хотите, чтобы мы открыли еще четыре фабрики, хотите, чтобы проблема малых городов решалась с помощью легко разворачиваемых обувных производств, мы можем, только для этого нужны условия. Не хотите – мы справимся. Но мы останемся на том

уровне, на котором есть, и мы будем декларировать каждый год, что страна, экономика, ВВП и все остальное – минус 3%. Я даю вам инструмент. Хотите – пользуйтесь, хотите – нет. А хотите – будем продолжать рассуждать, что мы сейчас будем налаживать инфраструктуру и все остальное, и к нам потекут инвестиции, которые сделают ровно то же, что я предлагаю сделать сейчас. И что сырники уже сделали. Понимаете логику? То есть мне наплевать на точку зрения Максима Медведкова. Мы с ним живем в разных жизнях. Обращаться к нему на предмет «Дайте больше пошлин», это разговор непродуктивный, у нас задачи разные. Мы просто производим, а у него просто ВТО. А у кого задача обеспечить рост ВВП страны? Кто отвечает за это?

Владимир Оболонский: У вас обоих.

Андрей Бережной: Нет, у меня нет задачи.

Олег Сирота: Зарабатывать денег.

Андрей Бережной: У нашей компании цель очевидна, она написана в уставе – обеспечить прибыль акционерам. Так, как это написано в Законе «Об акционерных обществах». Дальше размер прибыли совмещается с размером рисков. Государство может, оно должно для вас, не для меня.

Олег Сирота: Мы платим налоги, с этого платят заработные платы, пенсии.

Андрей Бережной: Потому что мы налогов платим много. Вы все ученые, живете с наших налогов. Мы с ваших налогов не живем.

Владимир Оболонский: Мы тоже платим налоги. Добросовестные мы.

Андрей Бережной: Поймите, экономика – это базис, источник жизнедеятельности страны. Образование, хорошая медицина. Одно-второе – это все здорово. За какие шиши это все делать? Это можно сделать только за счет... Сейчас у нас шиши одни – это экспорт природных ресурсов.

Олег Сирота: Доходы сельского хозяйства превысили доход по экспорту газа в прошлом году.

[01:21:23]

Андрей Бережной: Я говорю о том, что если бы меры протекционизма в частности в обувной сфере были бы сильнее, то мы бы росли быстрее, и налоги от нас были бы много больше. И задействовали бы мы тех людей из низкопродуктивных сфер, которые есть сейчас. Потому что не нам это нужно.

Олег Сирота: Я цены на качественную обувь были бы значительно выше.

Андрей Бережной: Моя позиция о том, что рост экономики может быть достаточно быстро обеспечен протекционизмом. Это моя общественная позиция, личная позиция, и я о ней говорю. Писать кому? Медведеву? Я пишу об этом.

Владимир Оболонский: Почему не написать? Можно не писать, а прийти к нему, попроситься на встречу. Насколько я себе представляю, у нас между уровнем связанных пошлин и реально применяемых пошлин есть небольшой лаг. 1,5 тыс. позиций в такой ситуации находятся. Я не уверен, что обувь там находится, но почему на эту тему не прийти и не поговорить?

Олег Сирота: В 2013 году, когда Государственная Дума принимала, я хорошо помню вступление в ВТО, туда привезли неофициальный перевод на утверждение. Привезли такую пачку депутатам Государственной Думы дней, наверное, за семь до принятия законопроекта. Я не верю, что хотя бы один депутат до конца осилил то, что они принимали. Кроме того, к вопросу о том, что мы делали. Когда Россия вступала в ВТО, я взял у своего близкого родственника корову и поехал протестовать на площадь. Мужик на «Оккупай Абай» с коровой со значком «Стоп ВТО» на рогах – это была моя корова, когда я протестовал. Как можем, так и боремся. Уж извините.

Владимир Оболонский: Уважаемые участники и зрители, к сожалению, мне давно показывают, что наше время истекает. Градус дискуссии у нас высокий. Она бы могла продолжаться еще бесконечно долго, уверен в этом. Но время истекло, поэтому придется нам дискуссию здесь завершить. Можно продолжить в кулуарах по желанию.

Несмотря на то, что у выступающих возникли разногласия в подходах – это вещь естественная, бояться ее не надо, – хотел всех принявших участие в дискуссии поблагодарить от души. Надеюсь, дискуссия дала дополнительную пищу для дальнейших размышлений, определении того, в каком направлении им каждому в своей сфере двигаться, она все-таки дала, а это уже какой-то положительный результат. Еще раз спасибо, всех вас было очень интересно слушать. Всего доброго, до свидания!

[01:25:51] [Конец записи.]